

Мессианская роль евразийцев в реализации идеи национальной идентификации и самосознания / Проблемы евразийства и интеллигенция: материалы X Международной научной конференции: в 2 т. / отв. ред. И. И. Осинский. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2014. – Т. 1. – С. 208-217.

Мессианская роль евразийцев в реализации идеи национальной идентификации и самосознания

Горбовая Ирина Алексеевна

аспирант

кафедра философии

Житомирского государственного университета имени Ивана Франка

Житомир, Украина

В статье рассматриваются основные идеи евразийства как особого явления начала XX века, а также их мессианская роль в осуществлении идеи российской национальной идентификации и самосознания через этническое взаимодействие.

Ключевые слова: евразийство, интеграция, Россия-Евразия, интеллигенция, мессианство, национальное взаимодействие, этническое самосознание.

Вопрос евразийства исследуется философами, социологами, политологами, историками, культурологами, так как это явление довольно многогранное. Ведь речь идет о географическом, национальном, культурном, духовном единстве России и Азии. Многие научные исследователи спорят относительно причин интеграции России и Востока. Все-таки, это сложилось исторически. После революционных событий 1917 года у России обозначилось несколько путей дальнейшего существования и развития [9, с. 32]: ориентация на модернизированный Запад, воссоединение с Европой; сохранение и следование традиционным общеславянским ценностям, жить «для себя» и «ради себя»; реализация новой программы – евразийства.

Концепция евразийства была своеобразной реакцией на советский режим в России, породивший «синдром "проигравших сражение" у представителей "старых" политических интеллектуальных элит. Именно атмосфера катастрофического мироощущения и кризиса явилась питательной средой евразийства» [9, с. 32-33]. Новая «модель» цивилизации отобразила реалии начала XX века: разрушительные революционные события в России, а также критика европоцентризма стали толчком к проявлению национального характера. Так, активную гражданскую позицию заняли русские эмигранты 20-30-х годов XX столетия. Многие ученые-исследователи (Николай Бердяев, Петр Струве, Павел Милюков, Николай Трубецкой и др.) сравнивали евразийство с особой идеологией, что по своим программным идеям напоминает течения славянофильства и национализма. Относительно первого: славянофилы выступали за самобытность России, которая отображалась в крестьянской общине. Но традиционное функционирование всех сфер общества сложно было совместить с модернизацией жизни. Евразийцы отрицали существование сугубо славянского типа культуры, сформировавшегося исторически. Они подчеркивали восточную, туранскую, ориентацию своих воззрений и актуальных политических представлений [9, с. 33]. Славянофилы отличались особым этноцентризмом, указывая тем самым на самодостаточность славянских корней. Представители евразийства не выступали за национальную и культурную изолированность. Напротив, культура Евразии является наследницей, в первую очередь, культуры Византии, также заметный след оставила и восточная волна, накатившая на Русь из монгольских степей в XIII веке [2, с. 46]. Более того, говорить о распространении лишь русской национальной культуры среди евразийцев бессмысленно, так как сожителство нескольких этносов подразумевает культурное взаимовлияние. Так, Российская империя, а сегодня и Российская Федерация, представляет собой особую политэтническую общность [1, с. 53]. Россия, как центр Евразийского материка, объединяет и интегрирует элементы европейской и азиатской культур. Таким образом, синтетически образуется новая, евразийская, культура как синтез смежных этнокультур.

Как раз в 20-е годы XX века с распространением идеи евразийства, в Российской империи совпала популяризация выступлений националистов, связанных с падением царизма после революции 1917 года. Однако, их всяко подавляли большевики во избежание пробуждения национального духа среди этнических меньшинств, которые населяли СССР. В чем же была идейная схожесть и различия евразийства и национализма? Последний делится на два вида: этнический (культурный) и гражданский (политический) [12, с. 3]. Исходя из этой классификации, можно предположить, что евразийство, первоначально, идейно было связано именно с гражданским национализмом, как реализация плана по возрождению былой

Российской империи. Ведь политический национализм подразумевает автономию или суверенитет, а также активное участие граждан в принятии правительством политических решений. Но здесь речь идет, прежде всего, о культурном, этническом и государственном единстве. Евразия являлась цивилизацией, которая познается лишь как совокупность европейского и азиатского в России, культурное взаимодействие и взаимовлияние этносов. Таким образом, евразийство больше схоже именно с культурным национализмом. Но и здесь есть свои отличия. Так, целью Евразийской цивилизации было создание культурной целостности этносов, гармоничной полиэтничности, а не культурное и языковое подчинение этнических меньшинств этническому большинству.

Вместе с тем, сосуществование нескольких культур на одной, либо же смежных, территориях чревато деформацией собственной культуры. Так зачем же России интеграция? Ведь соединение с Азией или Западом способствует потере национального «Я». Впервые целостный евразийский культурный мир предстал еще во времена Монгольской империи (XIII век). Российская империя практически закончила объединения Евразийского материка, однако правящая элита подверглась европеизации [2, с. 46]. За время правления Петра I российское государство значительно продвинулось в налаживании внешних политических связей с Европой. Правящие круги стали воспринимать Россию как европейскую страну, а не наследницу Византии. Однако, ранее очерченные границы Евразии отделяли Россию от славянского и европейского миров.

Европейское общество и культура, по мнению евразийцев, лишены духовности [5, с. 96]. Положение западной культуры и морали усугубилось в начале XX века, как раз с распространением евразийского движения: модернизация и глобализация привели к разложению европейских духовных ценностей, ведения меркантильного и потребительского способа жизни. Вместе с тем, Россия не могла отгородиться от внешнего мира [5, с. 96]: эпоха модерна этого не позволяла, а также позиция «автономии» представляла угрозу российским национальным, экономическим и политическим интересам. Однако, восстанавливать Российское государство собственными силами было бы долгим и сложным процессом. И если ориентироваться лишь на исторически сформулированную словянофильско-народническую [9, с. 33] концепцию развития страны, то Россия на фоне сплоченных стран Европы не представлялась конкурентоспособной.

Во избежание деформации собственной культуры, как следствие влияния западной, евразийцы руководствовались стремлением к самосознанию [2, с. 47]. Ведь европейская программа по созданию общечеловеческой культуры привела бы к нивелированию духовных потребностей отдельного общества, или же к ассимилятивному влиянию культурного большинства над меньшинством. Рефлекс сохранения целостности культуры срабатывает

при возникновении угрозы ее гармоничному существованию. Происходит четкое очертание границ ее функционирования. Между тем, «культурная граница» может не совпадать с территориальными границами страны. Так, определенный «культурный этнос» может благополучно сосуществовать и функционировать только с духовно сродной культурой. Евразийцы настаивали на своих ментальных, исторически сложенных, связях с туранцами (об этом упоминалось выше). Николай Трубецкой в работе «О туранском элементе в русской культуре» (1925) подчеркивал, что такого рода взаимодействия приводят к биологическому и культурному смешиванию. Лев Карсавин своим научным исследованием «Восток, Запад и русская идея» (1922) доказывал самоутверждение одного народа за счет других путем их поглощения. Однако, уничтожая других, народ таким образом теряет и свою идентичность [12, с. 13]. Таким образом, этот процесс порабощения одного народа другим имеет двусторонний трансформирующий исход. Но мы считаем, что если речь идет о сродных, ментально и духовно близких народах, в частности культурах, то это не покорение Россией центральноазиатских стран, а объединение народов для взаимообогащения и познания своей сущности.

Культура в концепции евразийцев выступает частью духовного мира общества. Игорь Исаев отмечает: «Продолжателем культурной традиции является только тот, кто качественно ее обновляет и превращает в неотъемлемый духовный элемент личного бытия, воссоздает ее заново. Она как бы возрождается вновь в каждом человеке и делает таким образом прыжок из прошлого в настоящее, а из него в будущее» [2, с. 48]. Если процесс обновления, возрождения культуры прерывается, то остается лишь «сухой» быт.

Европейское мышление, наоборот, вызывает к организации быта как подлинной реальности. Человек, занимающийся сотворением материального мира, теряет духовную связь с природой. Он создает мир для себя, не видя в нем своего места. «Изготавливая» материальные блага, человек определяется «как функциональное приложение к общественно-производственной технологии» [10, с. 122]. Восприятие внешнего мира становится узконаправленным, человек не задумывается над главными вопросами бытия. Социальное взаимодействие изрядно механизмуется, нивелируется потребность в полноценной деятельности внутреннего мира. Таким образом, природа, духовность человека в частности, формируются, осмысляются и воспринимаются по-новому, теряя свою первичную совершенность, неприкосновенность и сакральность.

Рубеж XIX – XX веков в России – период осознания и осмысления происходящих в стране перемен, определения дальнейшего пути развития государства [3, с. 4]. Возникла необходимость преодоления кризиса, коснувшегося всех сфер жизни. Кроме того, действовать нужно было в новых условиях – эпоху модерна. На сознание и мировосприятие

людей повлияли разрушительные революционные события начала XX века, а также начало нового исторического периода. Смена традиционного, устоявшегося функционирования жизнедеятельности страны привела к трансформации мировосприятия, а значит, и сознания. Историческая, культурная эпоха, в общем, способствует социальному перерождению, перестановке ценностей.

Новые жизненные нормы не возникают сами по себе. Более того, во времена кризиса обществу необходим «проводник», который бы осознал, формулировал, улучшал действительность, прогнозировал ее дальнейшее развитие. Хотя сознание и ценностные ориентации каждого гражданина государства как объективны, так и субъективны по характеру, существует все же историческая и культурная традиция, что наследуется из поколения в поколение. Передовую роль, роль «посредника» в этом процессе играет интеллигенция.

Интеллигент – всесторонне развитая личность, пример совести, искренних душевных порывов, бескорыстия, достоинства, ответственности за граждан и государство. Истинная интеллигенция осознает себя частью истории, ее творцом и готова служить на благо человечеству. Это социокультурный феномен, уникальное и специфическое, лишенное признаков массовости, социальное явление. На наш взгляд, интеллигент, прежде всего, – духовная, высоконравственная личность. Ведь во все времена интеллигенция выполняла высокую миссию, которая заключалась в сохранении и передачи лучших культурных, духовных, ценностных традиций, в формировании национальной идентичности. Петр и Юрий Саухи отмечают, что классическая модель интеллигенции всегда строилась на моральном, этическом начале в жизнедеятельности личности при условии повышенного уровня гражданственности, патриотизма и человечности [7, с. 4]. Прежде всего, высоконравственные ценности побуждают интеллигенцию к действиям, духовная активность этого социального феномена в определенный исторический кризисный период и обозначает особую роль – миссию – интеллигенции.

Мессианство – историко-социологическая концепция, приписывающая какой-либо личности, народу, социальной организации, государству роль мессии в историческом процессе [8, с. 176]. Интеллигенции отведена особая роль «спасителя», призванного уравновесить, повлиять на течение событий и развитие ситуации. Определенная кризисная ситуация стимулирует ее к социокультурной деятельности.

Появления евразийства было своеобразным ответом на принудительное изгнание той части русской интеллигенции, которая уже определилась с путем дальнейшего развития российской культуры [4, с. 109]. «Евразийцы» как духовное движение, обладали, прежде всего, высоким уровнем интеллектуальных способностей, профессиональной деятельности и

научной квалификации. Также они отмечались патриотизмом и значительной степенью прогностических способностей [11, с. 38].

Пожалуй, наиболее важной и актуальной для евразийцев была проблема ценностей. Для полноценного функционирования культура должна сформировать свою идеологию. Соответственно, в основе идеологии лежит идея, которая творит жизнь. Если идея истинна, то она становится «идеей-правительницей», а государственная власть обретает форму идеократии [2, с. 51]. Под идеократией подразумевается справедливая жизнь ради других, готовность к самопожертвованию: для индивида – ради народа, а для народа – ради человечества. Кроме «идеи-правительницы», евразийская идеология реализуется и в «правлящем отборе» (общественная и культурная элита) [2, с. 52]. Для успешной реализации деятельности «правлящей элиты» необходимо духовное единство, которому способствует тождество миропонимания. Отбор такой элиты осуществляет сама «правлящая идея», внутренняя духовная организация человека должна быть с ней единой. Вместе с тем, представители «правлящего отбора» постигают и осуществляют идею-доминанту.

Представители евразийства считали, что за два с лишним столетия татаро-монгольского ига, Русь значительно прогрессировала в своем развитии, но политика «европеизации» Петра I привела к революционным событиям. Соответственно, установленный большевистский режим был реакцией на «европеизацию» России [4, с. 115]. Ведь времена царской России продемонстрировали крушение государственной, социальной и культурной структур в результате европейских ориентаций. Евразийцы стремились трансформировать большевистскую систему, использовать ее социальные структуры, идею государственного единства для реализации своего проекта – целостной и величественной Евразии. Вместе с тем, отделение от Европы подразумевало начало новой русской культуры [4, с. 116]. Но опять же, евразийцы видели большевистский режим как способ сплочения народа, возрождения политической системы, а также как возможность отстоять территориальную целостность страны. Далее евразийство сменяет большевизм: либо большевики преобразовываются и следуют новым курсом, либо они будут отторгнуты. Однако, как любая другая интеллигенция, евразийцы были противниками оружия и насилия. Поэтому единственным способом воздействия на сложившийся политический режим России была его эволюция изнутри, духовное перерождение. Результатом изменений провозглашалось установление идеократии.

Однако, слепое служение и самоотречение были главными принципами тоталитарного режима, что противоречило ценностным ориентациям евразийцев. 20-30-е годы XX века сказались нивелированием социокультурного и ценностного потенциала русской

интеллигенции. Советская власть не допускала реализации культурной деятельности, которая не совпадала с идеологией тоталитарного режима.

Согласно политики нового режима власти, гражданская роль интеллигенции сводилась к построению экономически мощного государства. Интеллигенция была своеобразным «интеллектуальным ресурсом» для построения и функционирования системы. В советские времена действовала «практическая» интеллигенция, владевшая знаниями из разных областей науки. Структурное изменение интеллигенции как социальной общности вызвало ее модификацию, – она приобретает признаки массовости. Если говорить об интеллигенции как культурном слое общества, носителя духовности, который определяет идеалы народа, то «новая» интеллигенция не совсем соответствует значению термина. Одним из направлений реализации политики индустриализации было массовое образование. Понятие «интеллигент» теряет свое первоначальное значение. В новых коннотациях оно сводится к английскому определению «интеллектуал» – человек, который занимается умственной деятельностью [6, с. 235]. Происходил процесс продуцирования новой, «советской», интеллигенции, которая производила качественно иные ценности – узко партийные, номенклатурные.

Предназначение истинной интеллигенции проявляется в мессианизме, то есть в исполнении также и мессианской роли консервирования традиционных национальных ценностей в период структурных социальных трансформаций. Эту функцию возлагает на интеллигенцию гражданское общество. Ее мессианизм состоял в формировании советского общества, государства и сохранении национальных ценностей (качественно отличных от насаждаемых).

Главной задачей на то время была самоидентификация россиян среди других народов и национальное самосознание – определение своей роли и места в мире. Такие процессы требуют активную общественную деятельность национальных элит, а на интеллигенцию в целом возложена функция ведущей сообщества [6, с. 239], которая бы направляла синергию масс, то есть выступала мессией нации. Мессианизм интеллигенции состоял в воспитании людей, которые прежде владели способностью не просто подражать чертам советской социальной системы, но и продуцировать собственные уникальные ценностные системы.

Так, евразийским идеям духовного прогресса, свобод и прав граждан не было места в тоталитарном режиме. Движение евразийцев просуществовало чуть более десяти лет и уже в середине 20-х годов XX века начался его концептуальный раскол [4, с. 111]. Переосмыслив идеи, некоторые участники (Георгий Флоровский, Петр Биццили) посчитали их изрядно консервативными и утопичными для реализации в большевистской России. Левые евразийцы (Лев Карсавин, Сергей Эфрон, Дмитрий Святополк-Мирский и др.) вскоре покинули движение и вернулись в Советский Союз, где и стали жертвами тоталитарных репрессий.

Одной из передовых идей евразийства была идея национального, культурного, духовного единства. Но даже среди участников движения, как оказалось, этой сплоченности не было. Идеократическая концепция евразийцев так и осталась идеей. Она не смогла осуществиться в стране с уже прочно установленной иной идеологией, не нашла поистине настоящего отклика и действенной поддержки. Потенциальная «правлящая элита» действовала едино и сообща, только она была всего лишь реализатором большевистской системы, частицей мощного государства. Ее предназначение сводилось к умственной, физической – практической – деятельности. Духовность атрофировалась, так как не возникало потребности и возможности ее индивидуального проявления, образцом морали выступало правительство с единым центром. Миссия по сохранению и передаче исторически сложенных национальных культурных традиций, высокоморальных, духовных ценностей не осуществилась: уровень жизни основного населения страны был изрядно занижен. Произошла ценностная перестановка: на первый план вышли материальные ценности. Но нельзя осуждать народные массы за их меркантильность и моральное разложение, ведь главной ценностью в то время была жизнь. Чтобы добиться всеобщего послушания, осуществлялось тотальное порабощение. Ни о каком интернационализме в пределах Союза Республик и речи быть не могло.

1. Гордеева И. В. Евразийская идея в свете этногенетической концепции / И. В. Гордеева // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 21–22 июня 2004 г. – Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2004. – С. 52-54.

2. Исаев И. А. Евразийство: идеология государственности / Игорь Исаев // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 42-55.

3. Карабаева К. Д. Феномен евразийства как поиск гармонии / Карабаева К. Д. // Вестник ОГУ. – 2009. – № 4/Апрель. – С. 4-8.

4. Никандрова И. Е. У истоков евразийской концепции российской цивилизации / И. Е. Никандрова // Метаморфозы истории. – 1997. – № 1. – С. 107-118.

5. Овчаров Г. А. Идеология евразийства как фактор современной политики / Г. А. Овчаров // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 21–22 июня 2004 г. – Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2004. – С. 95-97.

6. Савчук В. С. Инакомыслие или конформизм: нравственный выбор интеллигенции в России / Вячеслав Савчук // Логос. – 2005. – № 6 (51). – С. 233-242.

7. Саух П., Саух Ю. Інтелігенція: між місією і приниженням / Петро Саух, Юрій Саух // Історія. Філософія. Релігієзнавство. – 2009. – № 4. – С. 2-8.
8. Социологический энциклопедический словарь [на русском, английском, немецком, французском и чешском языках] / Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 176.
9. Степаненко Г. Н. Теория «евразийства» как одна из разновидностей «российской идеи» / Степаненко Г. Н. // Российская идея: сущность, содержание, развитие: материалы межвузовской научной конференции. – Казань: Изд-во «Менеджмент», 1997. – С. 32-34.
10. Цейзер А. Б. Выбор человечества: духовное возрождение или техногенный апокалипсис? / А. Б. Цейзер, Е. Л. Цейзер // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 21–22 июня 2004 г. – Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2004. – С. 122-125.
11. Шишин М. Ю. «Культурный ландшафт с позиции наследия евразийцев / М. Ю. Шишин // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 21–22 июня 2004 г. – Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2004. – С. 38-46.
12. Шнирельман В. А. Евразийская идея и теория культуры / В. А. Шнирельман // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 4. – С. 3-16.